

УДК 94 (470.41)“1941/1945”

А. Ш. Кабирова

Эвакуация гражданского населения в Татарскую АССР в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война вызвала необходимость массового перемещения людей из угрожаемых районов в тыл страны для обеспечения их личной безопасности. Большое число эвакуированных наряду с другими восточными регионами приняла и Татарская АССР. В статье рассматриваются процессы приема и размещения эвакуированного в республику населения. Включенный в работу новый комплекс архивных документов и воспоминаний позволяет проанализировать проблемы социального обеспечения прибывавших в ТАССР граждан, их размещения и психологической адаптации на новом месте, оценить эффективность работы эвакуационных пунктов, определить степень участия местных властей в решении вставших перед эвакуированными гражданами вопросов, оказании им государственной и общественной поддержки.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, эвакуация, эвакуационный пункт, Совет по эвакуации, государственная помощь.

Масштабы Великой Отечественной войны предопределили небывалую по объемам эвакуацию населения из оккупированных или находившихся под угрозой оккупации районов в глубь страны, особенно активно проводившуюся в первые ее месяцы. Возглавлял работу по перебазированию промышленных предприятий и гражданского населения на Урал, в Поволжье, в Сибирь созданный 24 июня 1941 г. при СНК СССР Совет по эвакуации. По признанию специалистов, это была поистине героическая и драматическая эпопея [2, 9, 24]. К сожалению, в советской отечественной историографии в силу определенной дозированной информации, засекреченности многих фактов, цифр и документов тема эвакуации населения исследовалась несколько односторонне. В основном изучалась эвакуация промышленных предприятий; переживания же самих людей, обусловленные необходимостью покинуть родные края, трудности их обустройства и социально-психологической адаптации на новом месте практически не рассматривались.

В современных условиях, когда ученые-специалисты стремятся максимально объективно и всесторонне реконструировать происходившие в военное время исторические процессы и имеют для этого достаточную источниковую базу, интерес к теме массового перемещения советских граждан в тыл страны вновь актуализировался. С каждым годом появляются все новые интересные исследования, в которых авторы во многом по-иному интерпретируют уже известные сюжеты и, казалось бы, хорошо изученные страницы военной истории [1, 7, 19, 23]. Целью данной статьи является попытка на базе мало известных ранее документов и воспоминаний современников представить общую картину осуществления процесса приема и размещения эвакуированного в Татарскую АССР гражданского населения, адекватно отражающую реалии военного лихолетья.

Согласно имеющимся источникам, первые эвакуированные прибыли на территорию республики в июле 1941 г. [13, л. 18]. Организация работы по их приему, размещению и трудоустройству была возложена на республиканский Совет по эвакуации под руководством заместителя председателя СНК ТАССР З. В. Тинчурина [13, л. 649]. Первоначально решением Центрального Совета по эвакуации в Татарской АССР предполагалось разместить 165 тыс. человек [21, с. 35]. В действительности же эти цифры неоднократно корректировались. Несколько раз Татарстану приходилось дополнительно принимать тех граждан, которых не смогли устроить в другие города. Так, в Казань прибыло свыше 150 семей работников НКВД УССР и других учреждений, имевших направление в г. Куй-

© Кабирова А. Ш., 2016

бышев, а также 185 семей, которые изначально предполагалось разместить в г. Ульяновске, Свердловске и т.д. [21, с. 35].

Нередко ситуация выходила из-под контроля в связи с тем, что прием и размещение эвакуированных осуществлялись с серьезными нарушениями: о приходе отдельных эшелонов республиканский Совет по эвакуации информировали лишь тогда, когда эшелоны уже выгружались, причем выгрузка отдельных составов проходила не в оговоренных пунктах назначения. К примеру, 16 июля 1941 г. на станции Казань было выгружено три вагона из Житомирской области вместимостью по 250 человек каждый, о прибытии которых сотрудники Совета по эвакуации Татарстана ничего не знали. 17 июля 1941 г. 26 вагонов было принято на станции Восстания, тогда как по плану конечной остановкой эшелона должна была стать станция Высокая Гора. Из-за неразберихи и отсутствия должного контроля со стороны ответственных лиц на территории Татарской АССР остались около 25% эшелонов, предназначенных для отправки в другие края и области [25, л. 10—10 об.].

В итоге прирост населения в республике оказался весьма внушителен. Уже к середине августа 1941 г. сюда прибыло 163 тыс. человек [12, л. 26]. На 15 января 1942 г., согласно официальным данным, в ТАССР было размещено 273,5 тыс. человек [15, л. 183]. Прибытие эвакуированных в республику продолжалось и в последующие годы.

В национальном разрезе состав населения ТАССР тоже существенно расширился, пополнившись прибывшими из Белоруссии, Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, Воронежской, Калининской, Ленинградской, Московской, Орловской и других областей. Если до войны в Татарстане проживали представители 36 национальностей, то в военный период число их доходило до 50 [3, с. 286].

Основным звеном эвакуационного механизма являлись эвакуопункты. Их функциональное назначение заключалось в обслуживании как транзитных беженцев, так и граждан, приезжающих в регион на временное место жительства. В эвакуопунктах устанавливались постоянные дежурства, организовывались пункты горячего бесплатного питания. Транзитные эвакуопункты, как правило, функционировали на пристанях и железнодорожных станциях. Местом расположения так называемых стационарных, или «принимающих», эвакуопунктов выбирались помещения или здания, способные вместить большое количество людей. В Казани, в частности, специальным распоряжением СНК республики под них были переданы Театр юного зрителя, кинотеатры «Унион», «Красная Звезда», «Чаткы» и др. [11, л. 45].

Как показывают архивные документы, состояние эвакуопунктов редко являлось удовлетворительным. В феврале 1942 г. в ходе проверки одного из эвакуопунктов г. Казани, организованной Наркоматом Госконтроля РСФСР, было установлено, что «помещение сырое, грязное, оборудовано двумя столами, 25 скамьями». Не впечатлило проверяющих и общежитие эвакуопункта (ул. Ухтомского, 3): «площадь всего 150 кв. м, состоит из 7 комнат, в общежитии грязно. Имеются железные кровати, без матрацев... Стол всего один, стульев нет, постельных принадлежностей (подушек, одеял, простынь) совершенно нет...» [4, л. 10].

Большой проблемой являлась организация питания эвакуированных, перебои наблюдались с кипяченой водой, хлебом. Еда, доставляемая в эвакуопункты из ресторанов Торгречтранса и Трансторгпита, была низкокалорийной. Калькуляция блюд и их расценки не соответствовали выделяемым государством средствам из расчета 6 руб. на человека [5, с. 11].

Обязательным условием была санитарная обработка прибывающих в республику, чтобы не допустить распространения эпидемий. Однако отсутствие санитарного про-

пускника на станции Казань и неудовлетворительная работа бань задерживали отправку эвакуированных. Не хватало и транспорта для их дальнейшего продвижения. Многие эвакуированные, направляемые в районы Татарской АССР, были вынуждены в тяжелых условиях с семьями длительное время (до 10 дней и более) находиться в эвакуопунктах в ожидании возможности переезда [4, л. 10 об.].

Прибывавших в ТАССР граждан расселяли в городах и сельской местности. Руководили приемом и устройством людей местные власти. Квалифицированных рабочих и инженерно-технических работников, эвакуировавшихся с промышленными предприятиями, в основном оставляли в городах, вследствие чего население Казани, например, к весне 1942 г. возросло с 401 тыс. до 515 тыс. человек [3, с. 78], численность г. Чистополя увеличилась в два раза — с 25 тыс. до 50 тыс. человек [34, с. 177]. В г. Набережные Челны, по данным Совета по эвакуации при СНК ТАССР, было направлено 5587 чел., в г. Зеленодольск — 4009 чел. Оставшихся распределяли по районам ТАССР. В декабре 1941 г. в Сабинский район было отправлено 3346 чел., Тетюшский — 3091, Кзыл-Юлдузский — 3547, Верхнеуслонский — 4527, Куйбышевский — 2000 чел. и т.д. [22, с. 211].

В городах эвакуированные размещались большей частью в порядке добровольно-принудительного уплотнения. Доказательством является решение правительства ТАССР, директивно требовавшее от исполкома Казгорсовета «рабочих заводов № 22 и № 16 разместить в Сталинском и Ленинском районах за счет максимального уплотнения жильцов как в коммунальных, так и в частновладельческих домах, а также домах госучреждений и предприятий; рабочих заводов № 230 и № 240 разместить в Бауманском и Молотовском районах за счет *решительного* (курсив автора) уплотнения жильцов» [10, л. 45].

В среднем на одного человека в Казани, по официальным данным, приходилось около 4 квадратных метров жилья [17, л. 1]. Однако более массовыми были случаи, когда на человека выделялось не более 2,5—3 квадратных метров [14, л. 294]. А с нарастанием потока эвакуированных перестало спасать и принудительное уплотнение, устроить всех желающих на имеющихся жилых площадях в столице ТАССР не представлялось возможным. Тогда Казанский Совет депутатов трудящихся принял решение о временном переселении части городского населения, не занятого в оборонной промышленности, в сельскую местность. Также в деревнях размещали вторых членов семей и родственников прибывших по брони рабочих [16, л. 27].

В других городах республики ситуация с расселением эвакуированных граждан была немного лучше, так как для этого имелись большие возможности. Вместе с тем далеко не все местные властные органы проявляли необходимую в решении жилищного вопроса оперативность. В рассекреченных в постсоветский период архивных документах содержатся многочисленные жалобы эвакуированных на бездушие и волокиту чиновников при рассмотрении их заявлений. К примеру, в тяжелой ситуации оказалась эвакуированная в Чистопольский район Татарстана И. М. Шейнина, которая, прибыв со своей семьей из г. Минска Белорусской ССР, более трех месяцев не могла найти жилплощадь [30, л. 8]. Многократно пришлось обивать пороги с просьбой о помощи и эвакуированной в Альметьевский район Б. К. Казакевич, прибывшей с семьей из пяти человек из г. Ленинграда. Решение по вопросу определения их места жительства было принято только после вмешательства вышестоящих органов [31, л. 10].

Но даже определившись с жильем, эвакуированным надо было решать каждодневные проблемы. Наибольшие затруднения они испытывали в плане обеспечения топливом. Заявления в Альметьевский райком партии с просьбой оказать помощь дровами только за август 1942 г. поступили от семей Горячевых, Ягофаровых, Алешкиных [33, л. 51, 89, 91]. Часто вновь прибывшие оказывались перед необходимостью проведения ремонт-

ных работ: починки крыши, дымохода и т.п. Как показывают документы, несмотря на определенные издержки, в подавляющем большинстве случаев эвакуированные ожидаемую от администрации помощь по ремонту своих жилищ получали, правда, не без давления со стороны начальства. В частности, в источниках имеются сведения о том, что в Казани, например, на апрель 1943 г. было отремонтировано 425 квартир [21, с. 128], в Альметьевском районе — жилые дома на 382 семьи [32, л. 4] и т.д. При этом менее квалифицированные работы, где, по мнению граждан, не требовалось участия специалиста (отремонтировать крыльцо, повесить новую дверь и т.п.), они предпочитали делать сами, с помощью соседей, знакомых или родственников.

Важно обозначить и такую проблему, как реакция местного населения на принятую в годы войны практику добровольно-принудительного подселения приезжих. Как свидетельствуют источники, отношение коренных жителей к эвакуированным в массе своей было сочувственным. Татарстанцы стремились помочь много пережившим, пострадавшим людям, выезжавшим с родных мест под градом пуль и снарядов. «Страх бомбежек живет в нас с сестрой до сих пор — услышишь гул самолета, и инстинктивно хочется бежать в укрытие...», — рассказывала эвакуированная в 1942 г. из Смоленской области Л. Д. Сурова, сегодня заслуженный ветеран Казанского оптико-механического завода [6, с. 22]. Принимая эвакуированных в своих домах, местные жители делились с ними нехитрыми припасами, сообща переживали тяготы военного времени. Общая атмосфера тех лет отражена в мемуарах Валентины Сорокиной, эвакуированной вместе с матерью в 9-летнем возрасте из блокадного Ленинграда. О своей жизни в Казани она вспоминала так: «Мы жили в военстроевском бараке в комнате тети Лиды 8 человек. В этом бараке многие так жили, но я ни разу не слышала, чтобы соседи ругались по какому-либо поводу. Люди сочувствовали друг другу, понимали, что всем трудно...» [6, с. 61].

Ранее в советской историографии только так, однозначно позитивно, оценивали положение и писали об оказании всемерной помощи прибывшим, подтверждая эту позицию многочисленными примерами. Например, в центральной республиканской газете «Красная Татария» сообщалось, что «с самого начала войны казанская семья Бакаевых приняла ленинградскую семью Егиных. И до конца войны они жили дружно, помогая и поддерживая друг друга во всем» [3, с. 79]. Или в докладной записке в Центральный Комитет ВКП(б) заведующий оргинструкторским отделом Татарского обкома партии Арнаутов в качестве примера, подтверждающего теплое отношение к эвакуированным, приводил слова устроивших на проживание в колхоз «Буляк-Бул» Калининского района Татарстана: «Мы приехали в этот колхоз 12 семейств в начале августа 1941 г. Нас встретили тепло, разместили по колхозникам, некоторые из нас живут в лучших условиях, чем в Москве... Местные организации заботятся о нас и обращаются неплохо» [20, л. 39].

Но в действительности ситуации были разные. Здесь не было и не могло быть однозначности, так как в силу характера, ментальности, сложившихся привычек каждый человек реагирует и воспринимает действительность по-своему. Поэтому в годы войны наряду с жителями, разделявшими боль и нужды приезжего населения, были и те, кто тяготился необходимостью делить с ними кров. Например, в сложном положении оказался докторант Института механики Академии наук СССР Л. П. Смирнов, эвакуированный в Казань из Москвы. Имея на руках ордер, выданный райжилуправлением, он не смог занять квартиру ввиду протеста со стороны занимающего эту жилплощадь гражданина Астафьева [4, л. 3]. Подобные прецеденты были зафиксированы также в Высокогорском и Столбищенском районах ТАССР [28, л. 34, 72].

Эти примеры ярко характеризуют разноликость и противоречивость военных реалий и подтверждают многомерность происходивших в экстремальный период истории процессов.

В напряженной ситуации оказывались эвакуированные и в части обеспечения их продовольствием, одеждой, обувью. В основном они срывались с насиженных мест налегке, не успев захватить с собой даже самого необходимого. Затем, прибыв в Татарстан, обращались в вышестоящие инстанции с просьбой оказать им помощь. Так, эвакуированная из г. Бобруйска Белорусской ССР Ида Кайкова 11 ноября 1942 г. в заявлении на имя секретаря Казанского городского комитета партии пишет: «26 июня 1941 г. я эвакуировалась с тремя детьми. Ввиду спешности эвакуации никакой одежды не захватила. В результате мы бедствовали всю прошлую зиму, не имея теплой одежды. На эту зиму я тоже ничего не смогла приобрести. Прошлую зиму моя дочь 10-ти лет не ходила в школу из-за отсутствия одежды, сейчас с наступлением холодов она опять вынуждена не посещать школу по этой же причине. Вторая дочь 15-ти лет простудилась и заболела легким. Прошу Вас помочь мне приобрести зимнюю одежду» [18, л. 40].

В таком же бедственном положении оказалась эвакуированная 23 июня 1941 г. из Воронежской области в г. Казань Ф. Ю. Каплинская. Обращаясь к начальнику эвакуопункта Шигапову за материальной помощью, она сообщает: «После эвакуации я осталась в плохом материальном положении... Из дома я ничего не захватила. Пальто у меня летнее, старое, которое совершенно не греет. Оно служит мне также и подушкой. На ноги — старые сапоги. Мой оклад — 225 руб., которых не хватает на питание...» [18, л. 40].

Каждое подобное обращение разбиралось на заседаниях специальных комиссий, члены которых принимали решения о выделении эвакуированным из централизованных фондов одежды, обуви, продуктов питания. Государство, стремясь поддержать обездоленных войной людей, выделяло специальные средства для оказания им единовременной помощи на обустройство на новом месте. В середине 1941 г. для нужд эвакуированных из союзного бюджета было ассигновано 10 млн. руб. [8, с. 178]. В том числе распоряжением Совета эвакуации при Совнарком СССР за № 93 (от 12.12.1941) 1 млн. руб. был выделен конкретно для помощи эвакуированному населению, размещенному на территории Татарской АССР. По отчетным данным на 14 марта 1942 г., из этих средств было израсходовано 321 773 руб. [4, л. 11].

Предусматривалась для эвакуированных и другая помощь. В частности, специальными распоряжениями СНК СССР для прибывших и размещенных в ТАССР граждан было выделено 30 тонн шерсти для изготовления 29 380 пар валенок; 10 тонн мерного лоскута и 16 тонн ваты для пошивки одеял и т.п. Кроме того, союзные правительственные органы предлагали СНК ТАССР и самостоятельно изыскивать средства за счет рыночного фонда республики для пошивки теплой одежды и необходимого количества постельных принадлежностей для прибывших из других регионов детей [4, л. 11].

Важным направлением работы с эвакуированными было их трудоустройство. К сожалению, согласно изученным документам, приезжие сталкивались здесь с большими проблемами. В сельской местности эвакуированные женщины не могли выйти на работу лишь потому, что администрация не позаботилась своевременно об открытии детских садов и яслей [26, л. 79]. Частыми были ситуации, когда эвакуированных использовали не по основной специальности в связи с отсутствием достаточного количества рабочих мест. Например, эвакуированная в Арский район Татарстана учительница В. А. Пятницкая в августе 1941 г. отправила письмо о своем бедственном положении в газету «Учительская правда», в котором сообщала: «В связи с эвакуацией Новосельского района Ленинградской области я попала вместе с другими учителями нашего поселка в колхоз ТАССР Арского района и оказалась в весьма затруднительных условиях. На получение работы по специальности или вообще платной работы надежды нет. Сейчас мы работаем в колхозе (с 19 июля с.г.) и получаем из колхоза хлеб в счет трудовой <...> Мы живем

без всяких перспектив. Надежд на работу нет, искать работу безрезультатно. Когда я обратилась к председателю Арского райисполкома, он ответил, что сейчас надо работать в колхозе, вперед не заглядывать...» [5, с. 50, 52]. В случае когда работы по специальности объективно не было, эвакуированные с пониманием относились к ситуации, но в архивных источниках встречаются факты, когда на более престижную и менее трудоемкую работу в первую очередь устраивали местное население, а не приезжих [26, л. 80]. Это, разумеется, уже порождало горечь, обиду и разочарование.

Непривычными для переселенцев являлись также некоторые культурно-ментальные различия, связанные с традициями и обычаями местных народов. Так, в статье Р. Мухутдиновой, написанной по воспоминаниям эвакуированных в село Бизяки Бондюжского (ныне Менделеевского) района Татарстана, читаем: «В татарском селе для эвакуированных все было и ново, и чуждо, и интересно. Они с удивлением наблюдали, как наши бабушки и дедушки во двор ходят с кумганом, даже зимой, потом садятся на пол и читают намаз. Они долго не могли привыкнуть есть суп-лапшу вечером перед сном, что вполне привычно для жителей нашего села...» [5, с. 345]. Отмечались также трудности в общении людей разных национальностей. Например, эвакуированные в Татарстан эстонцы и латыши плохо знали русский язык [27, л. 5]. Вынужденные оставить родные очаги, они медленно приспосабливались к новым местам обитания, в связи с чем период социальной адаптации занимал подчас много времени.

Масштабная эвакуация, часто плохо организованная, приводила к тому, что родные и близкие люди терялись в дороге, родители не могли найти детей, дети — родителей. В течение всей войны они активно занимались поисками. К сожалению, в Татарской АССР, как и во многих тыловых территориях, принимавших беженцев и эвакуированных, учет прибывших был поставлен неудовлетворительно: информация была неточной или вообще отсутствовала, сведения в Эваксовет представлялись несвоевременно и т.д. В таких условиях поиски разбросанных по разным регионам страны граждан представляли собой трудноразрешимую задачу. За время с 15 августа 1941 г. по 11 марта 1942 г. в Справочное бюро при Отделе хозяйственного устройства эвакуированного населения по Татарстану поступило 28 939 запросов, отвечено было только на 13 489, без ответа осталось 15 450 [4, л. 11 об.].

Случалось, детей эвакуировали раньше, чем взрослых, и родители не могли обнаружить, в какой регион их направили. В фондах ЦГА ИПД РТ сохранился документ, в котором матери детей, вывезенных летом 1941 г. на отдых в пионерский лагерь «Дрозды» в Белоруссии, обращаясь к секретарю Казанского городского комитета ВКП(б) Н. Г. Грековой (до войны она была Председателем Верховного Совета Белорусской ССР), пишут: «...Седьмой месяц как мы их ищем, и все безрезультатно. Вы тоже мать, Вы должны сочувствовать нам, несчастным матерям, потерявшим своих единственных детей. Мы просим Вас помочь нам найти своих деток. Может быть, Вам известно — вывезли лагерь или нет, а также в каких областях находятся дети... Посоветуйте нам, к кому обратиться, кому писать...» [29, л. 48].

Как свидетельствуют архивные материалы, некоторые родители не понаслышке знали о недостатках организации эвакуации детей, поэтому их тревога возрастала многократно. Подтверждением этого является направленный в отдел детских садов и детских домов Наркомата просвещения Татарской АССР запрос от А. И. Малейко о его детях (3 года 10 мес. и 2 года 6 мес.), которых должны были летом 1941 г. вывезти на дачу. После долгих безуспешных поисков он обратился в соответствующие инстанции, подчеркивая при этом: «Я писал во многие города. Но ответы все поступают отрицательные. Считаю, что детей при эвакуации из гор[ода] Минска или, быть может, по дороге перемешали

с др[угими] детучреждениями, быть может, даже с детучреждениями других городов. Были случаи, что детей теряли... в дороге, часто дети в дороге заболели, их сдавали в больницу. ...Прошу Вас, очень убедительно... проверить очень тщательно все списки детей, имеющих у Вас, т[ак] к[ак] после полученных вторичных отрицательных ответов буду считать их погибшими» [35, с. 83]. Согласно источникам, детей А. И. Малейко в ТАССР так и не нашли.

К счастью, иногда происходили и радостные события. Так, эвакуированная из г. Гродно Мельникова, выступая 19 января 1942 г. на совещании женского актива Лаишевского района Татарстана, рассказала, как нашла своего больного ребенка, потерявшегося в пути во время эвакуации, в одном из детских домов Казани. Приводя этот пример, она призывала всех продолжать искать и верить [5, с. 15].

Таким образом, Татарская АССР, как и другие восточные регионы, стала в годы войны временным домом для значительного числа эвакуированных. Местные партийно-государственные органы прилагали колоссальные усилия для решения перманентно возникавших вопросов, проводя большую работу по приему, расселению и трудоустройству вновь прибывших граждан. При обеспечении приезжих жильем использовался не только имевшийся в наличии жилой фонд, но и помещения, изначально предназначенные для других целей: школы, кинотеатры, склады. В ходе осуществления эвакуационных процессов не все было безупречно: встречались проявления волокиты со стороны чиновников, бюрократические издержки. Но в итоге все прибывшие в республику граждане были размещены и устроены. Большое внимание власти республики уделяли также решению проблем материального снабжения эвакуированных, оказания им психологической поддержки и социальной помощи.

Список использованных источников и литературы

1. Арсланова Ч. Р. Эвакуированное и депортированное в Башкирскую АССР население в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. 26 с.
2. Верт А. Россия в войне 1941—1945. Авторизованный перевод с английского. М. : Воениздат, 2001. 664 с.
3. Гильманов З. И. Татарская АССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Казань : Таткнигоиздат, 1977. 295 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-339. Оп. 1. Д. 344.
5. Дети в условиях эвакуации. Татарская АССР. 1941—1945 гг. : сб. документов и материалов / сост. И. И. Ханипова, Е. Г. Кривоножкина. Казань : Главное архивное управление при Кабинете Министров Республики Татарстан, 2013. 416 с.
6. Детство и война: воспоминания ветеранов о военном детстве. Казань : ОАО «КОМЗ», 2014. 157 с.
7. Козурман С. О. Эвакуированное и перемещенное население на территории Саратовской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2011. 25 с.
8. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898—1986. 9-е изд., доп. и испр. Т. 7: 1938—1945. М. : Политиздат, 1985. 574 с.
9. Куманев Г. А. Война и эвакуация в СССР: 1941—1942 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/newhist/evaco.htm> (дата обращения: 27.04.2015).
10. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 2450.
11. НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3450.
12. НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3635.
13. НА РТ. Ф. Р-128. Оп. 1. Д. 3637.
14. НА РТ. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 763.
15. НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 508.
16. НА РТ. Ф. Р-1296. Оп. 18. Д. 534.
17. НА РТ. Ф. Р-1804. Оп. 1. Д. 66.
18. НА РТ. Ф. Р-2311. Оп. 2. Д. 181.
19. Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны на Урале: люди и судьбы. Магнитогорск : Магнитогор. гос. ун-т, 2002. 264 с.

20. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 151.
21. Татария в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. : сб. документов и материалов / сост. А. М. Залялов, Ю. И. Смыков, Н. А. Субаев. Казань : Таткнигоиздат, 1963. 360 с.
22. Татарстан в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Казань : Ред. «Книга Памяти» при КМ РТ, 2009. 447 с.
23. Федотов В. В. Эвакуированное население в Среднем Поволжье в годы Великой Отечественной войны. Самара : Самар. гос. техн. ун-т, 2009. 155 с.
24. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941—1945 годы): военно-исторические очерки. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. 476 с.
25. Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ). Ф. 15. Оп. 5. Д. 119.
26. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 123.
27. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 141.
28. ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. Оп. 5. Д. 564.
29. ЦГА ИПД РТ. Ф. 26. Оп. 11. Д. 99.
30. ЦГА ИПД РТ. Ф. 48. Оп. 3. Д. 307.
31. ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 221.
32. ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 243.
33. ЦГА ИПД РТ. Ф. 273. Оп. 1. Д. 355.
34. Чистополь и чистопольцы. Из прошлого и настоящего. Казань : Изд-во «По городам и весям», 2004. 461 с.
35. Шафигуллина О. Эвакуация детей в ТАССР в годы Великой Отечественной войны // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2012. № 3/4. С. 81—86.

Поступила в редакцию 06.05.2016 г.

Кабирова Айслу Шарипзяновна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, доцент
Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
Российская Федерация, 420014, Республика Татарстан, г. Казань, Кремль, 5-й подъезд
E-mail: aikabirova@mail.ru

UDC 94 (470.41)“1941/1945”

A. Sh. Kabirova

The evacuation of the civilian population in the Tatar ASSR during Great Patriotic War

The Great Patriotic War has caused the need for the mass migration of people from threatened areas in the rear of the country to ensure their personal safety. Large numbers of evacuees have been taken in by the Tatar ASSR along with other eastern regions. The article examines the reception and accommodation processes of the evacuated population. The new complex of archival documents and memories allows to analyze the problems of social security of citizens arriving in TASSR, their accommodation and adaptation in a new place, to evaluate the effectiveness of the evacuation center, to determine the role of local authorities in the solution of evacuated citizens' problems, in rendering state and public support.

Key words: the Great Patriotic War, Tatar ASSR, evacuation, evacuation center, evacuation Council, state aid.

Kabirova Aislu Sharipzyanovna, Doctor of History, Leading Researcher, Assistant Professor
The Institute of History named after Sh. Mardzhani of the Academy of Sciences of Tatarstan Republic
Russian Federation, 420014, Republic of Tatarstan, Kazan, Kremlin, 5 entrance
E-mail: aikabirova@mail.ru

References

1. Arslanova Ch. R. *Evakuirovannoe i deportirovannoe v Bashkirskuyu ASSR naselenie v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evacuated and deported to Bashkir ASSR population during the Great Patriotic War (1941—1945): Abstr. Cand. Dis.]. Ufa, 2006. 26 p. (In Russian).
2. Vert A. *Rossiia v voine 1941—1945. Avtorizovannyi perevod s angliiskogo* [Russia in the war of 1941—1945. Authorized translation from English]. Moscow, Voenizdat Publ., 2001. 664 p. (In Russian).
3. Gil'manov Z. I. *Tatarskaya ASSR v Velikoi Otechestvennoi voine 1941—1945 gg.* [Tatar ASSR in the Great Patriotic War of 1941—1945.] Kazan', Tatknigoizdat Publ., 1977. 295 p. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State Archive of the Russian Federation]. F. A-339. Op. 1. D. 344.
5. *Deti v usloviyakh evakuatsii. Tatarskaya ASSR. 1941—1945 gg. : sb. dokumentov i materialov / sost. I. I. Khanipova, E. G. Krivonozhkina* [Children in the evacuation. Tatar ASSR, 1941—1945: a collection of documents and materials, comp. by I. I. Khanipova, E. G. Krivonozhkina]. Kazan', Glavnoe arkhivnoe upravlenie pri Kabinete Ministrov Respubliki Tatarstan Publ., 2013. 416 p. (In Russian).
6. *Detstvo i voina: vospominaniya veteranov o voennom detstve* [Childhood and War: Veterans of the military childhood memories]. Kazan', OAO "KOMZ" Publ., 2014. 157 p. (In Russian).
7. Kozurman S. O. *Evakuirovannoe i peremeshchennoe naselenie na territorii Saratovskoi oblasti v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941—1945 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Evacuated and displaced populations in the Saratov region during the Great Patriotic War (1941—1945). Abstr. Cand. Dis.]. Saratov, 2011. 25 s. (In Russian).
8. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsii i plenumov TsK. 1898—1986. 9-e izd., dop. i ispr. T. 7: 1938—1945* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Central Committee plenums. 1898—1986. 9th edition, enlarged and corrected. Vol. 7: 1938—1945]. Moscow, Politizdat Publ., 1985. 574 p. (In Russian).
9. Kumanev G. A. *Voina i evakuatsiya v SSSR: 1941—1942 gg.* [War and evacuation in the USSR in 1941—1942]. Available at: <http://vivovoco.astronet.ru/vv/journal/newhist/evaco.htm> (accessed: 27.04.2015). (In Russian).
10. *Natsional'nyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [National Archive of the Republic of Tatarstan] (NART). F. R-128. Op. 1. D. 2450.
11. NART. F. R-128. Op. 1. D. 3450.
12. NART. F. R-128. Op. 1. D. 3635.
13. NART. F. R-128. Op. 1. D. 3637.
14. NART. F. R-326. Op. 1. D. 763.
15. NART. F. R-1296. Op. 18. D. 508.
16. NART. F. R-1296. Op. 18. D. 534.
17. NART. F. R-1804. Op. 1. D. 66.
18. NART. F. R-2311. Op. 2. D. 181.
19. Potemkina M. N. *Evakuatsiya v gody Velikoi Otechestvennoi voiny na Urale: lyudi i sud'by* [Evacuation during the Great Patriotic War in the Urals: people and destinies]. Magnitogorsk, Magnitogor. gos. un-t Publ., 2002. 264 p. (In Russian).
20. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii* [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI). F. 17. Op. 88. D. 151.
21. *Tatariya v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg. : sb. dokumentov i materialov / sost. A. M. Zalyalov, Yu. I. Smykov, N. A. Subaev* [Tatars in the Great Patriotic War of 1941—1945 : collection of documents and materials, comp. by A. M. Zalyalov, Yu. I. Smykov, N. A. Subaev]. Kazan', Tatknigoizdat Publ., 1963. 360 p. (In Russian).
22. *Tatarstan v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941—1945 gg.* [Tatarstan during the 1941—1945 years of Great Patriotic War]. Kazan', "Kniga Pamyati" pri KM RT Publ., 2009. 447 p. (In Russian).
23. Fedotov V. V. *Evakuirovannoe naselenie v Srednem Povolzh'e v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Evacuees in the Middle Volga region during the Great Patriotic War]. Samara, Samar. gos. tekhn. un-t Publ., 2009. 155 p. (In Russian).
24. Khisamutdinova R. R. *Velikaya Otechestvennaya voina Sovetskogo Soyuz (1941—1945 gody): voenno-istoricheskie ocherki* [The Great Patriotic War of the Soviet Union (1941—1945 years): military history essays]. Orenburg, OGPU Publ., 2014. 476 p. (In Russian).
25. *Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv istoriko-politicheskoi dokumentatsii Respubliki Tatarstan* [Central State Archive of historical and political documents of the Republic of Tatarstan] (TsGAIPDRT). F. 15. Op. 5. D. 119.

26. TsGAIPDRT. F. 15. Op. 5. D. 123.
27. TsGAIPDRT. F. 15. Op. 5. D. 141.
28. TsGAIPDRT. F. 15. Op. 5. D. 564.
29. TsGAIPDRT. F. 26. Op. 11. D. 99.
30. TsGAIPDRT. F. 48. Op. 3. D. 307.
31. TsGAIPDRT. F. 273. Op. 1. D. 221.
32. TsGAIPDRT. F. 273. Op. 1. D. 243.
33. TsGAIPDRT. F. 273. Op. 1. D. 355.
34. *Chistopol' i chistopol'tsy. Iz proshlogo i nastoyashchego* [Chistopol and Chistopol's inhabitants. From the past and present]. Kazan', "Po gorodam i vesyam" Publ., 2004. 461 p. (In Russian).
35. Shafigullina O. Evakuatsiya detei v TASSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Evacuation of children in the Tatar ASSR during the Great Patriotic War]. *Gasyrlar avazy — Ekho vekov*, 2012, no. 3-4, pp. 81-86. (In Russian).